

XXVIII. О догматизме науки

Мысль о «догматизме» связывается у современного человека с Церковью и всем церковным; однако наука в новейшие времена выработала свое устойчиво-догматическое мировоззрение, основанное, как всякое мировоззрение такого рода, на положениях, изъятых из свободного обсуждения. Этот догматизм не мешает, однако, ссылаться на «скептическое, критическое мышление» как основу, будто бы, всякой научной деятельности.

В чем состоят научные «догматы» или, скорее, один нераздельный догмат? Догматическая наука, во-первых, верит в то, что из т. н. «объективных фактов» (заметьте эти слова) самостоятельно, совершенно независимо от нашей воли вырастают определенные «объективные» или «научные» истины; во-вторых, в то, что, изучая факты, она познаёт «объективную действительность» в ее чистом, очищенном от прикрас воображения, т. е. строго разумном виде; и в-третьих, верит она в то, что «изучение фактов» приводит нас к т. е. «истинной картине мира» — простого, разумного, насквозь познаваемого, не имеющего в себе места для тайны.

Как мне не раз уже доводилось говорить, эти утверждения насквозь наивны, а наивны потому, что делаются людьми, изошряющими свой разум для поиска фактов, но не желающими знать, что *правильное мышление*, которому учит философия, должно предшествовать всякому поиску, а тем более — построению цельного мировоззрения. Более того, это философски обоснованное мышление может даже навести нас на ту мысль, что для цельного мировоззрения у нас нет ни сил, ни данных. Впрочем, я забегаю вперед.

Кант давно уже сказал нам, чего можно ждать от мышления, и чего от него ждать не следует. Несмотря на это, я хотел бы разобрать доводы современных разумопоклонников и показать, что их ожидания и обещания расходятся с действительностью.

Начнем с первого утверждения: о силе «объективных фактов», из которых сами собой, при обработке реактивами «критического мышления», вырабатываются «научные истины».

Говоря об «объективных фактах», надо сказать, что их значение сильно преувеличено. Общаемся мы не с какой-то «объективной действительностью, данной нам в ощущениях», а с нераздельным потоком переживаний (опытов), который затем расчленяется на отдельные смыслы (понятия) в зависимости от того, какие представления о поставляющем эти переживания мире живут *в нашем уме*.

Факт есть событие *осознанной* встречи ума с непостижимой действительностью. То, чего ум не замечает и относительно чего не делает заключений, не пополняет ряды «фактов», оставаясь простым происшествием. Говоря сравнительно: если представить себе ум как сферу, то «факты» — те столкновения ума с событиями внешнего мира, которые оставили следы на этой поверхности этой сферы. В любом «факте» истолкование занимает столько же места, сколько вызвавшее его событие, если не больше. Не будь этих истолкований, «факты» барабанили бы по поверхности нашего ума, как дождь по крыше, не оставляя внутри этого ума никаких следов.

Фактопоклонство наших дней ложно еще и потому, что «факты» как таковые не облагораживают и не воспитывают ума, сколько бы ни пытались это утверждать. Ум вообще состоит не в том, чтобы *обладать* фактами, а в том, чтобы их *взвешивать*. Из этого следует парадоксальный вывод: возможен ум, действующий в условиях, близких к полному незнанию (отсутствию фактов); возможно и почти полное всезнание, сопряженное с слабостью судящей силы, если не отсутстви-

ем ума. Разумеется, эти крайности воображаемые, но в общем именно так противостоят друг другу наука и мудрость. Связывать силу ума с тем, насколько большие полчища фактов он может вывести под свое знамя — ошибочно.

Но главное даже не в этом. Главное в том, что, ссылаясь на некоторые «независимые от нашего ума факты», подтверждающие излюбленную теорию, ученый скрытно, под полой, проносит в лабораторию плоды своего умственного труда, догадки, заключения, а то и, страшно сказать, *убеждения* — весь пестрый сор, из которого состоит т. н. «солидное фактическое обоснование». Как и почему это происходит — в подробностях будет сказано ниже.

Перейдем к другому притязанию догматической науки: к «познанию объективной действительности» на пути накопления «знаний». Но так ли это? Может ли наука в самом деле копить «знания», как будто у нее есть какая-то лазейка, по которой мысль может проникнуть во внешний мир? ¹³ К сожалению, такой лазейки нет, и когда мы говорим о знаниях, мы имеем в виду *согласующиеся с наличным опытом представления*. Говоря так, я не умаляю подвиг науки, но указываю его истинное значение.

Истинный подвиг науки состоит не в «познании внешнего мира», а в построении в уме человеческого такой картины вещей, которая отличалась бы известной степенью широты объединяемых ей явлений, и при том достаточной внутренней непротиворечивостью. Познание есть уложение фактов (т. е. наших представлений) во взаимно непротиворечивую цепь, но эта цепь существует в первую очередь в уме ученого; ее связь с огромным и загадочным миром, где дымится туман неизвестности — обманчива и неясна.

Кстати нужно сказать, что именно эти требования широты и непротиворечивости заставляют науку исключить из рассмотрения всё темное, таинственное и непредсказуемое, одним словом, *тайну*. В итоге создается мировоззрение цельное, твердое, последовательное, основанное на вере в том, что об одном предмете не может быть более одной истины. Эта вера — звено, которым держится вся цепь. В пограничной области между наукой и жизнью эта вера неизбежно приводит к появлению т. н. «единственно верных мировоззрений», которые отличаются от науки как таковой полным безразличием к опыту, к накоплению фактов, и окостеневают еще быстрее, чем довольно-таки догматические, но всё же научные взгляды, их породившие.

Пришло время собрать вместе и дополнить сказанное выше. Общим местом научной догматики является противопоставление «критического разума» — воображению, всякому созидательному мышлению. На разум смотрят как на острый нож, средство уточнения, если не разрушения. *Критическая* способность разума считается в наши дни *единственной* его способностью. Однако это представление обедняет действительность. Дело разума — не только критика, анализ, разрушение, но и *созидание миров*. Об этом совершенно не принято думать; картину мира, к которой подходит ученый со своим скальпелем, мы принимаем, как будто она досталась нам даром; на самом деле эта картина создана умственными усилиями поколений.

Однако надо не бояться сказать, что «объективная реальность», будто бы данная нашему чувству, есть *миф*.

Стоит только задуматься, и мы увидим: вся наша жизнь возможна потому только, что между нами и мраком случайных, страшных и загадочных событий стоит раскрашенный холст, на кото-

¹³ См. эссе «Душа», о положении ума в мире.

ром нарисован закрывающий нас от бездны светлый и ясный *осмысленный мир*. Именно этот вытканый и раскрашенный нашим разумом холст принято называть «объективной действительностью», хотя как на самом деле он — только самая отдаленная, почти самостоятельно существующая часть нашего ума. Этот холст или, вернее, крепкая стена, ограждающая нас от безумия (во всяком случае, от жизни за пределами разума и его защитных чар) была прежде науки; ее построил разум в те времена, когда никто и не слышал о «критическом мышлении»...

Умопоклонники новейших времен противопоставляют ум и воображение; ум и иллюзии (к которым относят и религиозную веру). Однако это противопоставление неглубоко. На самом деле, ум есть *сила воображения, связанного причинностью* (говоря другими словами: требованием взаимной непротиворечивости умственных построений; об истинной «причинности» мы знаем не так уж много). Несмотря на это, из всех сторон умственной деятельности прославлена только критическая, разрушительная; всякий умственный труд, не имеющий целью разрушения, объявлен неплодотворным... что привело к неизбежным следствиям: строящая сила мысли иссякла, и когда-то полноводная река науки разбилась на ручейки, образуемые собиранием мелких фактов — при неспособности к крупным обобщениям.

В разуме стали видеть исключительно критическую (разрушающую) способность — и разум за это отплатил.

В действительности «критический разум» отличается от детского ума или от разума дикаря только степенью достоверности (которую можно было бы назвать и иначе: *степенью допустимой недостоверности*), проверяемости причинных связей. Разум «высшего порядка» предпочитает простейшие, легче всего поддающиеся проверке (желательно — *in vitro*) связи; ум философский и тем более религиозный имеет дело с труднопроверяемыми зависимостями; однако библейские истины не перестают быть истинами оттого, что проверяются не в лаборатории, а на пространстве человеческой жизни. Только детский ум, наиболее склонный к волшебству, довольствуется суждениями вроде следующего: «Если сказать „Раз, два, три!“ и трижды повернуться на левой ноге, придет Бука!» Тут связь событий не просто труднопроверяема, она — по меньшей мере, на первый взгляд, то есть *до* нашей встречи с Букой, — отсутствует. Но во всех рассмотренных случаях ум повелевает не чем иным, как воображением; разница в готовности ума принимать его приношения.

Бесспорно, критическое мышление не признаёт Буки и стремится ограничить себя областью *объясненного опыта*, но в этом и сила его, и слабость. Всё невыводимое из наличного запаса представлений; все представления, которые не удастся вывести из других, накопленных прежде — всё это объявляется несуществующим. В некоторых областях, на некоторое время это приводит к большим успехам, а затем — к застою, к мертвому догматизму, п. ч. никакие новые идеи против тарана «критической мысли» устоять не могут. Не случайно, заметим, наука в ее не очень долгой истории развивалась путем последовательных катастроф, разрушений; новые мысли никогда не входили в нее постепенно, но врывались, подобно завоевателям.

Это означает, что целью пресловутого «критического мышления» всегда было разрушение широкого мировоззрения, признающего в мироздании Тайну, и замена его мировоззрением узким, специальным, но чрезвычайно устойчивым ко всякой критике. «Критический разум» делал то же, что камень, катящийся с горы, т. е. стремился к такому положению, которое можно занимать как можно дольше при наименьших затратах сил, и последним его словом является предельный догматизм, далеко превосходящий догматизм христианской Церкви.

Так что же нам делать? Отказаться от разума? Умерить его критическую, разрушительную силу? Спрятаться в ограде Церкви, из которой ушли наши неразумные прадеды?

Нет, но вернуться от призрака «критического разума» к *целому человеку*, к живой и сильной душе, рассуждающая сила которой сгущена в уме (от которого никогда, ни при каких условиях не следует отказываться), и *снова* учиться мыслить — после того, как мы слишком долго упражнялись в *поиске фактов* и построении из этих фактов *цельного мировоззрения*.

Цельное мировоззрение подождет. Цельный человек ждать не может.